

МЕТАМОРФОЗЫ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ, ИЛИ ЧТО УГРОЖАЕТ СУЩЕСТВОВАНИЮ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Л. А. Гуцаленко

Социальное время – столь же важная форма существования общества, как и физическое – для материального мира. Структура первого более многообразна, чем второго. Это – вмещилище не только объективных, но и субъективных сегментов социальных систем. Оно находится в определенной зависимости от человеческой воли, сознательной деятельности людей. Это касается всех темпоральных характеристик: циклов, рядоположенности социальных объектов, протекания, чередования общественных процессов, событий, их темпов, ритмики.

Именно люди запускают «часы» социального времени, по мере накопления своей познавательной и практической мощи «управляют» социальным временем. Когда возможности наших далеких предков были почти «на нуле», социальное время фактически было тождественно объективному, «календарному» времени. Так, в доцивилизационный период человекоподобные существа были способны не столько обрабатывать, сколько использовать встречавшиеся в природе каменные орудия, предметы удовлетворения потребностей. Тогда социальное время длилось миллионы лет. Например, первые социальные (стадные) объединения первобытных людей, стойбища охотников были обнаружены на севере Танзании и относились к палеолиту (свыше двух миллионов лет назад). Археологические атрибуты так называемой «олдовайской культуры» сохранились в низших слоях озерных отложений. А в вышележащем слое, временная дистанция которого отделяла его от нижнего примерно в миллион лет, зафиксированы почти такие же грубые каменные орудия [1, с. 369].

Для сравнения приведем сроки существования последующих периодов социальной истории. Со времени аграрной революции, когда приручение скота сменилось земледелием, прошло приблизительно три-четыре тысячи лет, пока возникла культура бронзового века («элладская культура» – Древняя Греция), длившаяся где-то две тысячи лет; «эллинистическая культура» (страны Восточного Средиземноморья) со времени походов Александра Македонского просуществовала примерно семь веков – до 30-х гг. н. э.

На ускорении темпов социокультурного развития, несомненно, сказывались расцвет ремесел, торговли, государственные (полисные) образования и т. д.

Если вернуться в более близкие к нам времена, то промышленный переворот, которому дало начало применение паровой машины, длился не более одного (XIX) столетия. Научно-техническая революция длилась еще меньше: середина 50-х гг. – конец XX столетия. После этого заявила о себе революция информационно-технологическая.

Совершенствование созидательно-преобразующих возможностей человека, сопутствовавшее этим эпохальным достижениям цивилизации, постепенно позволяло расширять параметры действия его мерного потенциала, предсказанного в знаменитой формуле Протагора еще в V в. до н. э.: «Человек – мера всех вещей». Уровень ручного труда был превзойден трудом машинным, механического – автоматическим, а последний – симбиозом научных знаний и техники.

Соответствующее этому технико-экономическое творчество субъектов социально-исторического процесса происходило в тесной связи с социотворчеством личности, ставшей, согласно терминологии П. Бергера и Т. Лукмана, основным конструктором социальной реальности [2]. Она наряду с принципиально новой материально-производственной базой обогащалась также за счет социально-институциональной структуры. Появились новые индивидуальные и коллективные субъекты, наполняющие социальное время принципиально иными свойствами и функциями. Первые представлены рабочим классом, предпринимателями, бизнесменами, людьми науки, культуры; вторые – системой таких учреждений, которые регулируют функционирование новых форм общественного устройства: индустриального, постиндустриального обществ. В качестве довольно поучительного исторического эксперимента более 70 лет просуществовало также советское общество. Вероятно, одной из причин его «скоропостижной кончины» было отсутствие, в отличие от частнособственнического социума, механизмов его внутренней равновесности, и в первую очередь разделения властей, и усиливающих этот механизм негосударственных организаций (гражданского общества).

Несмотря на все преимущества организации социального пространства в эпоху интенсификации его темпорального бытия, тревога за важнейшую его часть – будущее человечества – постоянно нарастает. Возьмем несколько тенденций, вызывающих беспокойство, наметившихся в прошлом и действующих в настоящем темпоральном континууме. Та же научно-техническая революция за весьма короткий срок несколько раз наряду с прорывами в создании социального благополучия землян потрясла их трудно-контролируемой опасностью массового уничтожения человеческой жизни. Пока будет существовать человечество, оно никогда не забудет три вещи, имевшие место в одном году: его спасение в 1945 г. и в том же году – Хиросиму, Нагасаки, т. е. атомные бомбы, унесшие тысячи жизней. Кстати, до сих пор никто так и не нашел им оправдания с точки зрения военной необходимости. После этого прошло всего три десятилетия, и мир содрогнулся от чернобыльского кошмара. Далее, сегодня никто не решится дать гарантии, что в Пакистане, где бушуют социально-религиозные страсти, чья-то отчаянная рука не доберется до арсенала, где хранятся атомные бомбы «местного» производства.

Институционально-политическая составляющая настоящего этапа социального времени также небесконфликтно соотносится с его третьей составляющей – будущим. Трудно сказать о прочности мира после окончания «холодной войны» с прекращением существования Советского Союза. Его наследники по социальному времени и пространству в настоящем и в обозримом будущем никак не могут справиться с последствиями этой катастрофы всемирного значения. Как показывают недавние события, разборки в СНГ пока обещают не столько его консолидацию, сколько растворение в национально-обособленных структурах.

Не менее тревожным является состояние коллективного и индивидуального субъекта современного социального времени. Институциональные структуры, регулирующие жизнедеятельность в бывших постсоветских странах, явно тяготеют к авторитарным методам управления процессами и последствиями пока что не совсем удачного реформирования общественно-экономических и других отношений.

Не намного лучше обстоит дело с управляемостью текущими и перспективными компонентами социального времени в странах Западного мира. На сегодняшний день в их «активе» – два действующих опасных очага военного противостояния – в Ираке и Афганистане. Причем на Ближнем Востоке еще и «резервный» очаг – Израиль и Палестина. К этому следует добавить, что источником финансово-экономического кризиса, подрывающего нынешние и потенциальные ресурсы мирового сообщества, также выступают страны Запада.

Индивидуальный субъект, который служит, в принципе, основным фактором, питающим все свойства социально-временного континуума, сам оказался в очень трудном положении. По нашему мнению, он до сих пор не осознал, что главной ценностью является не то, чем, какими вещами преимущественно материального порядка наполняет он социальное время, а **само оно как интегральная величина, охватывающая** все причинно-следственные связи прошлого, настоящего и будущего. По-прежнему на первом месте у большинства людей только настоящее, зачастую сводимое до сиюминутного, элементарно-потребительского отношения к социальному пространству и времени. Одинаково неприемлемо в социальном времени абсолютизировать как будущее, чем занимались менеджеры «строительства светлого будущего», так и суперпотребительское настоящее. Против этих крайностей более полувека назад весьма категорично предостерегали эксперты «Римского клуба» – неправительственной международной организации, изучавшей положение планетарного сообщества в настоящем и перспективы его существования. Руководитель клуба Аурелио Печчеи пророчески утверждал, что корень всех внешних кризисов «во внутреннем кризисе самого человека, его разладе с реально существующим миром – миром, как никогда стремительно и радикально изменяющемся прямо у него на глазах» [3, 180]. Сегодня контекст воздействия каждого человека на все проявления социального времени стал гораздо шире, основательнее. Но задача остается той же, что и во времена А. Печчеи, только более актуальной. «Реально человек, независимо от своей воли, включен во множество уровней социальной темпоральности: от наиболее коротких, мелкособытийных до самых широких исторических профилей». И все зависит от того, «насколько активна или пассивна эта включенность» [4, с. 60–61].

Если в прошлом первой составляющей социального времени был достаточный «запас» дистанции на исправление ошибок, то ныне, когда информационно-технологическая стратегия человеческой деятельности меняет ситуацию за месяцы, недели, минуты и даже секунды, возможностей нечто поправить будет все меньше и меньше. Соответственно требуется и возрастание не только компетентности, но и ответственности каждого за свои действия.

Литература

1. *Борисковский, П. И.* Олдовой / П. И. Борисковский // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1974. Т. 18.
2. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. М., 1995.
3. *Печчеи, А.* Человеческие качества / А. Печчеи. М., 1980.
4. *Илюшин, Л. Л.* Социальное время и время человека / Л. Л. Илюшин // Человек. 2008. № 3.